

О ВОСПИТАНИИ

Людвиг ГУРЛИТТ

Перевод с немецкого с предисловием доктора Л.Г. Оршанского

Три года назад для приобщения читателей к блистательному наследию классиков научной природосообразной педагогики редакция открыла рубрику «педагогическая академия». Вести эту рубрику любезно согласился известный учёный, профессор Валентин Кумарин.

Сегодня можно уже сказать о том, что мы не ошиблись. Читатели приняли публикации рубрики, высоко их оценивают.

В своих письмах В. Купцов из Мурманска, Н. Шерстобитова из Перми и др. сообщают, что материалы «Педагогической академии» повлияли на их педагогическое мировоззрение. Что ж, это вселяет надежду, что идеями научной, природосообразной педагогики проникнутся и другие трезвомыслящие педагоги, руководители школ и органов образования, а может, и те наши коллеги, которые всё ещё уповают на «инновации», на «воспитывающее обучение», «обучение на высоком уровне трудности», на «развивающее обучение», «валеологизацию», а теперь и на компьютеризацию. Дело-то ведь не в том, сколько информации обрушить на голову школьника, а исключительно в том, сколько и какую информацию его голова может воспринять. А тут уж не помогут никакие технологии, кроме природосообразных, опирающихся на законы развития человека.

Ознакомьтесь, пожалуйста, с фрагментом из книги профессора Людвиг Гурлитта «О воспитании».

Судьбы русского просвещения уже очень давно связаны тесно и многосторонне с немецкой культурой. Это факт первостепенной жизненной важности; с ним приходится считаться всякий раз при разрешении трудных вопросов нашей жизни. Попытка разобраться в очередном вопросе часто нам не удаётся — оказывается, что родина нашей, якобы русской, болезни — Германия. Там корни — оттого и наши домашние, самодельные средства не помогают. Такими русскими недугами немецкого происхождения должны считаться почти все болезни нашего домашнего и школьного образования, как, например, огромный приток бездарной детской литературы рыночного производства, глубокий разлад между книжными знаниями и живыми нуждами наших детей, допотопные представления о задачах и законных формах дисциплины, наследственно воспринятое, но мало обоснованное убеждение старших — родителей и педагогов, — в своей непогрешимой подготовленности к делу воспитания, в своей раз навсегда предрешённой правоте во всех конфликтах с детьми.

Русская критическая мысль неоднократно пыталась вскрыть и, если можно, излечить то одну, то другую болезнь, — известно, что это пока мало удавалось. Поэтому нас особенно должна интересовать всякая критическая работа, сделанная в Германии и направленная против немецкой культуры. Германия — страна образцового самодовольства — в науке, политике, литературе, в обыденной жизни. И если у нас легко критиковать, потому что всегда можно рассчитывать на сочувствие достаточного числа чем-нибудь недовольных людей, то в Германии надо иметь мужество для критики существующего благополучия, для омрачения всюду разлитой улыбки.

В области воспитания — понимая это слово в его огромном значении — вот уже около десяти лет раздаётся мощный, резкий, уверенный в себе голос немецкого педагога Людвиг Гурлитта.

Деятельность Гурлитта составит несомненно эпоху в деле переустройства основ немецкого воспитания, и в ряду других педагогов — реформаторов последнего времени — он занимает особое место: Гурлитт начал с частных вопросов образования и воспитания и, идя

навстречу запросам жизни, захватывал всё более и более широкие области, нуждающиеся в обновлении. Для каждой новой задачи он черпал материал из своих наблюдений за 25 лет преподавательской работы. Он примкнул к группе, откуда вышли Гансберг, Вольгаст, Шарельман, Б. Отто, Панвиц и др., но он делает свою работу не как узкошкольную, а как существенную часть создания нового социального строя. Поэтому он столько же говорит о школе, как и о домашней жизни ребёнка, столько же о детях, сколько и о родителях — иногда о последних даже больше, чем о детях.

Интересно проследить, как сама жизнь, неотложные вопросы воспитания постепенно подготовляли общественное выступление человека, сумевшего 25 лет владеть собою, быть учителем в прусских гимназиях, получать одобрения начальства, а в глубине души переживать сомнения, колебания, наконец, отрицание, которое у человека с таким пламенным темпераментом, как у Гурлитта, вылилось сразу в форму открытого, беспощадного восстания против немецкой казённой школы, дальше против педагогических теорий, питающих эту школу; против предрассудков, столь опасных, потому что они принимаются просто на веру.

Первый толчок был случайным. В ответ на речь одного видного чиновника Министерства народного просвещения, хвалившего, конечно, послушание, веру в авторитет, предостерегавшего от критических опытов, исканий новых путей, Гурлитт позволил себе в тот же день высказаться за самостоятельное мышление, за опасность на веру принимаемого авторитета. Всущности, вещи — не новые, ни для кого не опасные, но начальство вскоре прислало из Берлина степенного чиновника для усовещевания, по-видимому, попавшего на опасный путь педагога. Предполагалось, что ещё не поздно спасти несчастного, но последний оказался неговорчивым. Начальство выразило сожаление — пришлось оставить место, чтобы зараза не воздействовала на окружающих. Министерство могло остаться довольным: большинство коллег отшатнулось от Гурлитта, сделало это так, чтобы их несочувствие всем видно было. Доступ к детям был отрезан опасному педагогу.

Но Гурлитту открылось нечто несравненно большее — свобода слова, обращённого ко всей мыслящей Германии и к тем, кто питается германской педагогической мудростью. По счастью, долгая работа оставила совершенно нетронутым огромный темперамент Гурлитта, здоровое настроение, жизнерадостность, дающую ему возможность ценить всё бодрящее, молодое. К этому надо присоединить живой стиль, делающий его книги как бы собранием речей, разностороннее общее образование и знание иностранной жизни — и станет понятным, почему этот недавно известный лишь специалистам учитель латинского языка стал одним из популярнейших писателей Германии.

Гурлитт написал за 10 лет очень много, из крупных его работ необходимо упомянуть следующие.

Одной из ранних и вместе с тем наиболее интересных книг Гурлитта является: «Der Deutsche und Sein Vaterland» (1902), «Немец и его отечество» — политико-педагогические размышления модерниста. Эти книги, говорит автор, выросли из желания выяснить себе средства воспитания у немецкой молодёжи любви к отечеству. Вопросы воспитания — национальные вопросы. Однако часто забывается, что к воспитательной работе призваны многие, кроме профессиональных «воспитателей». Вся книга — протест против шовинизма в школе, против искусственного патриотизма. «Любовь к отечеству не есть предмет преподавания, ей нельзя научиться». Любовь к родине, уважение к своему государству, глубокое национальное чувство Гурлитт считает очень важным, но они зарождаются только там, где государство преследует высокие идеальные цели и где граждане пользуются уважением со стороны властей. Гурлитт крайне резко, откровенно характеризует грубость немецкого государственного механизма — «унтер-офицерский дух», где всякий полицейский с высоты величия глядит на пропасть, отделяющую его от «обыкновенного» человека. Автор параллельно описывает английский строй, высокую ценность личности, порядок без жёстких тисков.

Гурлитт особенно подробно разбирает угнетающие условия немецкой средней школы, где учителя вечно лишь следят, поправляют, критикуют, ставят отметки, пишут отзывы, выдумывают головоломные экзаменационные задачи. «Так можно создать хороших чиновников

и солдат, но не свободных крепких волей людей». Отсюда уже недовольство у детей; позднее грубый режим держит в страхе и недовольстве взрослых.

Откуда взяться любви к родине? Нужно единение школы и семьи; нужны общественные и государственные идеалы, которые привлекут сердца юношества — тогда любовь к отечеству будет естественным чувством, педагоги могут перестать старательно насаждать это нежнейшее чувство. В общем, эта книга любви к отечеству и негодования к тем людям и условиям, которые душат и уродуют эту созидательную силу.

Затем идёт ряд статей по отдельным вопросам, например, «воспоминания о профессоре Курциусе», где он разбирает вопрос о классическом образовании в связи с современностью, небольшая книжка: «Самоубийства в школе» — вопрос, который лишь теперь, через несколько лет после работ Гурлитта, выясняется во всём своём ужасе. И здесь всего плодотворнее было то, что Г. поставил анализ этой величайшей трагедии детской жизни на очень широкую почву: он ищет причины за пределами школы; конечно, виновата часто школа, но то, в чём она виновата, есть малая часть общего строя немецкой жизни: неуважение к личности, холопство перед начальством, преследование в воспитании целей, чуждых современной жизни, боязнь протеста, часто жестокость и грубость,

Зло, трагедия школы выясняется здесь в своём социальном значении. Смелость открытого признания отрицательных сторон общественной жизни, ещё больше временного извращения национального немецкого характера делает эту брошюру Гурлитта, истинного патриота, ценным памятником по истории немецкой культуры нашего времени.

В своей книге: «Schule und Gegenwartskunst» («Школа и современное искусство») (1907) он ставит следующий вопрос: «Как относится наша (немецкая) школа к современному искусству?» и тут же отвечает: «Большей частью враждебно или безразлично». Доказательства берутся им из истории современной архитектуры, скульптуры, живописи, нового прикладного искусства, лучшие произведения которых совсем игнорируются школой и имена новых творцов остаются юношеству неизвестными.

Но не только живопись, скульптура и др. остаются чуждыми современной школе, где проповедуется лишь старое, как единственно достойное удивления, и внушается убеждение, что искусство давно вступило на путь упадка — и современная литература не имеет доступа в школу. Она завоёвывает молодёжь тайком, вне школы, урывками и потому далеко не в лучших своих созданиях. Гурлитт подробно останавливается на изучении в школе литературы и, как во всех своих других сочинениях, проводит основную мысль: «Наши задачи — в настоящем и будущем; сюда надо направить нашу работу, не на разглядывание прошлого. Вперёд, а не назад!» Сколько напрасной работы уходит на введение нас в далёкое прошлое. Воспитание каждого ребёнка начинается в школе с сотворения мира, с Адама и Евы. В средние века точно так же начинали историю каждого немецкого города с разрушения Трои, бегства Энея, основания Рима. Предполагается, что ребёнок только тогда поймёт настоящее, когда он ознакомится со всем прошлым от грехопадения и изгнания из рая, убийстве Авеля. Г. говорит: «Всё различие между старой и новой педагогикой и заключается в том, что раньше всё воспитание строилось на благоговении к прошлому, как к единственному образцу; мы обращаемся к современной жизни и к вечно юной природе». Как видно, и здесь частный вопрос — искусство и литература в школе — приводит Гурлитта к требованию основной перестройки воспитания, к требованию новых основ.

Очень большое внимание обратила на себя книга Гурлитта: «Der Verkehr mit meinen Kindern» («Общение с моими детьми») (1908). Это — история семьи, где отношения между взрослыми и детьми основаны на одинаковом взаимном уважении, на знании психологии возраста, на признании прав детства, на постепенном ознакомлении детей с внешним миром в тех его явлениях, которые интересны именно детям, а не взрослым. Воля родителей в этой семье не есть право, перед которым непременно должна смириться воля ребёнка. Это совместная жизнь без насилия, непонятого послушания, наказаний. Непривычному читателю многое может показаться анархией, настолько здесь отсутствует всё, что принято встречать в обычно дрессированной семье. Однако — на то имеются доказательства — дети Г. хорошо

воспитаны, идут хорошо в школе, не вносят расстройств в жизнь взрослых. Г. даёт подробную автобиографию своей семьи: прогулки с детьми и ответы на все их вопросы; близкое знакомство с животными и растениями; с памятниками данной местности, с бытом разных народов. Всё виденное зарисовывается и записывается, а дома дополняется объяснениями и чтением. Так получается глубокий интерес ко всякому впечатлению, приобретаются легко сведения, образуется крепкая связь с родиной — зарождается любовь к своему, родному. Интересы ребёнка растут; проявляются все индивидуальные особенности — и такое общение ведёт к высшей цели воспитания: к развитию личности. Некоторые критики считают эту книгу самым замечательным из всего, что написал Г., и предсказывают ей надолго влияние. Но недавно вышла в свет последняя работа проф. Гурлитта, которую он сам считает сводкой всех своих размышлений и опыта. Со времени Спенсера никто так широко и глубоко не разрабатывал проблемы воспитания, как Гурлитт. На семью он смотрит как на основу общества, государства, социального строя. Воспитание есть поэтому величайшая задача человека. А между тем родители и педагоги невероятно мало и постыдно плохо подготовлены к своему делу. Хуже всего, что они считают себя — родители просто потому именно, что они родили детей, педагоги потому, что они имеют место в учебном заведении — на высоте призвания и никогда или очень редко (это считается плохим признаком), на мгновение сомневаются в своей непогрешимости. Гурлитт первый резко, иногда грубо называет вещи своими именами, раскрывает перед всеми несостоятельность родителей и педагогов. Замолчать его книгу нельзя, и она заставит много родителей впервые задуматься, усомниться в себе. Глава о конфликтах — это давно назревшее обвинение взрослых в непонимании детей. Гурлитт является другом детей, пламенным защитником их интересов, врагом их притеснителей. Он говорит, что если бы собрать все детские обиды, то это был бы ужасный мученик. Можно прибавить, что если бы дети узнали, что Г. собирает материал по истории детских печалей, они дали бы ему бесконечный материал.

Книга о воспитании является, однако, не таким личным созданием Г., как его предыдущие работы. Она излагает взгляд целой группы единомышленников-реформаторов. Таким образом, русский читатель познакомится здесь с целым направлением, о котором до нас доходят лишь отрывочные сведения.

Наши невзгоды домашней и школьной жизни ребёнка уже давно вызывают к жизни попытки частичного обновления воспитания. Но частичное исправление не поможет. Вот почему так мало, а иногда так неудачно протекают опыты «нового», «свободного» воспитания. Пусть книга Гурлитта покажется всякому, кто любит детей и чувствует свой долг перед ними, что большинство современных хозяев воспитания — родителей и педагогов — не подготовлены в своей работе. В пору уныния бодрая, смелая, вся обращённая к будущему книга в защиту детей завоюет и у нас сердца, как у себя на родине.

8 мая 1911 г. *Лев ОРШАНСКИЙ*

Предисловие

Уже несколько лет я занят мыслью о книге, в которой я изложил бы результаты моей практики и размышлений о воспитании немецкого юношества. Несколько раз брался я за работу и бросал её, потому что она казалась мне невыполнимой. Дело в том, что мне хотелось сравнить и согласовать мои взгляды со взглядами старых и современных педагогов; мне хотелось свести всякую мысль к её первоисточнику, и не выдать за своё то, что в прошлом или теперь, у нас или на чужбине, было уже однажды высказано. Другими словами: я хотел сам исторически и документально определить моё место в педагогике — работа, которую мой друг Рудольф Панвиц мне посоветовал предоставить лучше современникам, ещё лучше — будущему. Он же и дал мне смелость оставить в стороне других педагогов и, не считаясь ни с чем, ничего не смягчая, написать свою собственную педагогику. Мне говорят, что в Германии есть даже достаточно людей, которым интересно знать, что я думаю об этих вопросах. Что писал Руссо, Фребель, Песталоцци — они знают.

И потому я оставил историческую работу.

Таким образом, книга моя родилась быстро — несколько недель работы, я сказал бы — без труда, потому что мысли мои созрели. В них нет ничего выдуманного, вычитанного, ничего искусственно построенного, но всё, что в ней есть, я сам пережил, сам переиспытал, сам для себя создал. К удивлению и ужасу моих строгих критиков, в книге ни одной цитаты, совсем не работа филолога, а между тем я 25 лет жил филологией. Что такое отступничество удалось мне в мои с лишком 50 лет — считается моими прежними товарищами по профессии изменой, я же вижу в этом признак физического и духовного оздоровления. Это единственное, чем я несколько горжусь.

Л. Гурлитт

Книга первая. Пути и цели естественного воспитания

Глава I. Общепригодной для всех педагогики не существует

Написать книгу о воспитании возможно лишь при точном знакомстве с теми, кто подлежит воспитанию, и ясном сознании того, к чему они должны быть воспитаны.

Обоим этим условиям существующие педагогические руководства не удовлетворяют: их авторы не знают физических и умственных способностей ребёнка и всех возможностей его развития, они не ставят себе общей для всех, определённой и действительной цели воспитания. То, что им представляется целью, обуславливается их национальной, политической, религиозной, моральной и иной партийностью. Воспитатели полагали до сих пор, что они удовлетворительно выполняли свои обязанности, раз только они старались формировать своих воспитанников по своему образу и подобию. Они ставили себя или, вернее, парящий в их воображении идеал образования, как цель, и в лучшем случае достигали того, что воспитанники становились их подобиями, и, следовательно, так сказать, воплощали воспитательный застой, или же они в заранее предначертанном направлении развития подчинялись такому воспитанию, цель которого была основана не на требованиях индивидуальной природы воспитуемых, а на произволе предыдущих поколений.

И воспитатели почти всегда достигали своими усилиями и стараниями желаемого. Целые культуры с незапамятных времён возникли подобным образом: предыдущие поколения переносили на последующие всю сумму своего жизненного опыта и свои жизненные идеалы. Результатом этого был медленный, но безостановочный прогресс масс. Таким образом возникли и сложились кастовые культуры классовых правителей духовенства, дворянства, военных, различные профессии, как то: чиновники, художники, техники, ремесленники, земледельцы, моряки и т.д. Подобное воспитание народных масс и общественных групп имеет огромную ценность и значение, как уравнение и справедливое распределение сил на все социальные задачи жизни, которые могут быть хорошо выполнены только при разумном распределении труда. Поэтому с первобытных времён и до наших дней ясно определённое профессиональное и сословное образование всё ещё есть самое разумное и самое успешное. Благодаря переходящей от поколения к поколению традиции растёт опыт, увеличиваются знания, быстрее подвигается дальнейшее умственное развитие и все это, вместе взятое, служит на пользу каждой отдельной личности. Это — настоящая здоровая традиция; на ней основывается авторитет, которого ни один разумный человек не захочет поколебать. Сама жизнь и общество создали этот авторитет, а поэтому это — здоровое, естественное явление, составляющее равноправное достояние каждого члена общества и воспринимаемое каждым не как насилие или что-то чуждое, а как часть собственного организма. Члены цехов сами никогда не восставали против своего цеха. Именно благодаря цеху чувствовали они себя в безопасности, обеспеченными и сплочёнными. Цех же давал возможность каждой отдельной личности развернуть все свои силы. Нападки на цехи явились извне, и в наши дни есть достаточно оснований сомневаться, было ли благодеянием уничтожение цехов.

Так расходятся теория и практика существующих методов воспитания. Тому, кто станет

это оспаривать, мы можем это, так сказать, наглядно доказать. Наши народные школы поставили себе задачей воспитывать детей в церковно-христианском и патриотическом духе. На вопрос, насколько успели они в этом на практике, ответили германские социалисты тремя миллионами голосов, единодушно высказавшихся против церкви и существующего монархического правления. Таким образом, самая многочисленная партия в Германии не признаёт существующего воспитательного метода и характеризует его так, как оно есть в действительности: религиозной и партийно-политической дрессировкой. Гораздо важнее тот факт, что в Германии вообще существует такая многочисленная антиклерикальная и антипатриотическая партия. Уже одно её существование — жестокий приговор господствующему государственному воспитательному методу. И этим же самым доказывается вся шаткость и непригодность ограниченного, преднамеренного и тенденциозного воспитания. Неоспоримо, что удаётся воспитать верующих католиков, правоверных протестантов, фанатических консерваторов и радикальных социал-демократов. Но подобные результаты радостно приветствуются только партийными приверженцами. Стоящие же вне всяких партий считают подобное воспитание ошибочным, неудачным. И как реакция, регулярно наступает поворот в противоположную сторону. И вот мы видим, что сыновья пасторов становятся самыми яркими вольнодумцами, а клерикально порабощённые народы ценой кровавых революций отвоёвывают себе право неограниченной свободы веры. Если мы, как посторонние свидетели и не причастные к делу, станем присматриваться к религиозной дрессировке молодых китайцев или юных буддистов, то она нам покажется каким-то безнравственным насилием над человеческой личностью. Наоборот, достаточно нам хоть раз стать на точку зрения буддиста и присмотреться к религиозному обучению наших детей во всех школах и бесчисленных семьях, чтобы научиться презирать подобный способ обучения. Религия родителей, случайных наставников, членов училищного совета или министерства, их политическое и социальное положение не должны ни в каком случае влиять на воспитание детей. Это вывод всего нашего современного культурного развития. Мы не знаем, что готовит судьба нашим детям через двадцать-тридцать лет и как и во что разовьётся вся наша жизнь. Потому-то мы не имеем никакого права налагать какие бы то ни было оковы или ограничивать чем-либо детское развитие.

Наша система воспитания должна указать тому, кто вообще доступен новому и не считает возможным удовлетвориться старым и механически-повторяемым — т.е. современному воспитателю — те средства, которыми он может успешнее всего так подготовить своего воспитанника к жизни, чтобы тот, своими силами, мог справиться в потоке всей духовной работы настоящего и будущего.

Задача всякого последующего поколения — превзойти предшествующее, поэтому молодое поколение не нуждается в указании определённой цели, напротив — оно должно их отбросить как явный тормоз. Оно нуждается для самостоятельного развития только в некоторой помощи и ориентировке. В более зрелом возрасте мы все очень критически относимся к нашим воспитателям. В большинстве случаев мы осуждаем все старания и действия наших старых педагогов, не сумевших понять ни нас, ни ожидающего нас будущего, ни даже отдалённо предвидеть его. Поэтому мы большей частью чувствуем в них не благодетелей, а притеснителей; не питаем к ним благодарности, а одно лишь осуждение, и хотя признаём их благие намерения, но улыбаемся над их неумелостью. И во всяком случае мы чувствуем, что мы их переросли и сожалеем, что нам не выпало счастья иметь таких воспитателей, которые нам, теперь взрослым, кажутся образцами. Наши воспитатели служили тому, что тогда уже было прошлым; они благоговели перед этим мёртвым, они хотели и нас принудить к восхищению нашими предками и давно исчезнувшими культурами. Они приходили в ужас, когда юный ум пробуждался и дерзал высказывать мысль, что и в будущем может быть создано столь же великое и вечное; или, о сугубая дерзость, осмеливался дать понять, что он сам не прочь выступить против этого прошлого и помериться силами. Всё это считалось, да и теперь ещё считается непристойностью. Всё новое — есть грех. Скачок в будущее есть скачок во тьму. Педагоги держатся давно принятого, вечных истин. Конечно, едва ли существует бес-

спорный опыт, ещё меньше, конечно, существует вечная истина. Каждая эпоха по-своему оценивает то, что было до неё, и каждая личность требует себе права чеканить новые ценности. Явления имеют только ту ценность, какую мы им сами придаём. Самое драгоценное для меня не имеет никакой цены, если я сам не придаю ему этого. Я совершенно равнодушен к бриллиантам, и кусок блестящего стекла представляет в моих глазах такую же ценность, как и самый большой бриллиант в королевской короне. Таким образом, человек есть и был во все времена мериллом всех явлений.

Итак, вековой системы воспитания не существует. Каждая эпоха будет приравнивать к своим требованиям и потребностям воспитание юношества. Таким образом, воспитание, подобно каждому жизненному явлению, подчиняется закону развития.

Что даёт природа ребёнку?

Система воспитания тогда только возможна, когда, во-первых, возможно установить врождённые силы ребёнка, во-вторых, какими средствами можно воздействовать на них, и, в-третьих, чего хотят достигнуть этим воздействием.

Мы в настоящее время ещё не владеем таким точным знанием детской души. Правда, собрано множество отдельных наблюдений, но мы ещё далеки от того, чтобы иметь основанную на науке и применимую к каждому единичному случаю психологию детской души. Да и не удастся никогда достигнуть такого глубокого и охватывающего все возможности знания. И как раз в тех случаях, когда ждут от воспитания оздоровления, т.е. в случаях аномалий, общей психологией ничего не достигается.

О первых пяти годах жизни ребёнка мы, по личным воспоминаниям, почти ничего не знаем. А между тем все наблюдения указывают на то, что именно эти первые пять лет имеют самое важное значение для последующего развития. Какой запас наблюдений, опыта, духовного прогресса совершается и каким именно образом — это остаётся невыясненным. А между тем в эти первые пять лет все важнейшие силы и способности умственной и душевной жизни уже существуют в зародыше, и воспитание ничего не может более сделать, как только развить эти зародыши. Прибавить же что-либо новое, изменить то, что мы называем характером, придать иную форму интеллекту — всё это лежит вне наших сил. Когда вполне выяснится, как велики силы пятилетнего ребёнка и как ничтожна возможность преобразить эти силы — тогда только педагоги приобретут скромность, в которой они нуждаются для плодотворной работы, и критическое отношение ко всем прежним системам воспитания. Так как все они основаны на том заблуждении, что воля воспитателя должна суметь создать молодого человека по своему идеалу, посеять в нём одни задатки, искоренить другие, привить по собственному выбору склонности, взгляды, направить вкус, склонность и антипатии. Ни один садовод или скотовод не станет идти против природы растений и животных; они уважают, подчиняются природе — только при воспитании детей это уважение исчезает.

Относительно ребёнка держатся того взгляда, что воспитание может сделать из него всё, что угодно. До настоящего времени педагогика не считается и не хочет считаться с фактами. Это, как и многое другое, есть прямое следствие церковной традиции. Педагогика последней освобождается из-под власти церкви. Наши педагоги в государственных школах, оказывающие огромное влияние и на домашнее воспитание, всё ещё по обязанности покорные слуги церкви, и поэтому они все и дуалисты, и идеалисты. Они также по обязанности последователи учения о греховной плоти и о божественной душе. Божественная душа прекрасна, беспорочна, не требует исправления, а потому вся борьба, неустанно ведомая нашими педагогами, есть борьба против греховной плоти, стремящейся якобы низвести душу до земной дерзости.

Влияние верования, распространяемого с величайшим фанатизмом в течение многих веков, простирается далеко за пределы церковно-верующего круга — до последней крестьянской хижины, и захватывает даже круг людей, давно уже отрешившихся от церковных верований. И всё наше воспитание всё ещё продолжает находиться под влиянием старого учения о наследственной греховности человечества после грехопадения. Все создания безгрешны, только мы, бедные люди, являемся на свет грешниками и можем быть искуплены только Божией благодатью. И это верование легло в основание всего нашего воспитания, которое

есть не что иное, как вечная борьба против наследственного греха.

Воспитание, хотя и в ограниченном смысле, могло бы быть успешным, если бы педагогика вышла из-под власти такого предубеждения. Ребёнок, будь у него знание и опыт, имел бы такое же право отказаться от воспитателей, приверженцев церковных верований, какое имеет взрослый отвести присяжных заседателей и судей, относящихся к нему с заранее предвзятым предубеждением. Кто предвзято прежде всего видит в ребёнке грешника, тот не может относиться к нему справедливо, а поэтому и не может его воспитывать. Система воспитания только тогда возможна, когда мы видим в ребёнке то, что он есть в действительности, т.е. часть природы, а посему мы должны воздерживаться от всякой оценки, так как природа ни добра, ни зла. Она безразлична к морали, как и ребёнок. Моральная оценка возможна лишь тогда, когда является познание добра и зла. Сократ был совершенно прав, говоря, что бессознательные люди безгрешны. Только сознание несправедливости или неправильности поступка даёт возможность осудить этот поступок.

Ребёнка с его полным неведением жизни, очутившегося среди пёстрого водоворота нашей культурной жизни, нельзя мерить масштабом нашей зрелой и перезрелой морали. Надо более точно познать ребёнка и данные ему природой силы и инстинкты, прежде чем приступить к его моральной оценке. Бессознательно, а потому невинно проявляются эти инстинкты, которые позже, выродившись, признаются греховными; но по природе своей они не таковы. Все они коренятся в эгоизме, а это чувство есть неизбежное условие жизни. Сильнейший инстинкт всякого живого существа — это жить, и жить по-своему. На вопрос о цели жизни природа тысячью голосов даёт несомненный ответ: цель жизни есть сама жизнь! Какой ещё другой цели искать? И притом жизнь соответственным врождённым силам, т.е. природе. Кто поставлен в такие благоприятные условия, тот не станет ломать себе голову над смыслом и бессмысленностью жизни. Все эти мудрствования не что иное, как продукт неудавшейся жизни. Дельный моряк, борющийся со штормом; охотник, выслеживающий зверя; архитектор, строящий мост, а также и ребёнок, погружённый в свои игры, застрахованы от подобных мудрствований. Сильный и деятельно пользующийся своими силами прекрасно знает, зачем он живёт. И для всех детей, так же как и для всех животных и растений, совершенно ясно, что самое важное в жизни — сама жизнь. Правда, часто повторяют слова поэта: «Жизнь не высшее из благ». Но это тогда только верно, когда это верно понято. Обесцененная неправильным воспитанием и лишённая своего содержания, обманутая, искалеченная жизнь — для неё действительно не стоит жить. Но здоровое, нормальное, богатое всеми жизненными благами существование ценно и есть самое высшее благо.

Нам обесценили нашу жизнь тем, что противопоставили ей высшую духовную жизнь. Наша земная жизнь, твердят нам, есть только первая ступень к высшему небесному существованию. Блажен, кто верует, но какой-либо научной гарантии или ручательства в этом не существует. Напротив, с каждым новым шагом по пути научного прогресса выясняется, что каждое отдельное существо продолжает жить только посредством размножения. В юриспруденции есть такое старинное положение: *Nou bis in idem*. И природа подчиняется этому положению. У неё есть для всех её целей только одно, но зато самое верное и самое необходимое средство. Её главная цель — сохранение жизни, и она даёт это ясно понять — каждое новое творение является на свет со всеми органами размножения. Рождение одного существа есть уже возможность рождения целого ряда новых существ. Таким образом, у жизни, кроме цели самосохранения, есть ещё высшая задача: продолжение рода. Всё, что содействует этому жизненному побуждению, всё это делается людьми для сохранения их жизнеспособности и продления рода, не может быть с естественнонаучной точки зрения греховным. А между тем общественная мораль больше всего клеймит и называет греховным именно это побуждение к самосохранению и размножению.

Конечно, эта точка зрения далеко не постоянная; есть страны и эпохи, когда высшей добродетелью считается то, что мы теперь признаём грехом. Проявление этого жизненного влечения и побуждения к продолжению рода признаётся и у нас за добродетель, когда оно освящено законами государства, церкви и ходячей морали. В освящённом церковным обрядом

брачном союзе половая жизнь считается действием, согласным с Божией заповедью, а плодородие — доказательством Божией милости. Многожёнство, признаваемое у нас доказательством безнравственности, даже распутства, в другие времена и у других народов считается, напротив, доказательством высшей моральной и социальной добродетели.

Ребёнок не знает о существовании этих и тысячи им подобных социальных понятий и поэтому не может согласоваться с ними. Если ребёнок бессознательно, по неведению, нарушает права собственности, не делает различия между понятием «твоеё» и «моеё» или слишком страстно проявляет свой эгоизм, то все эти естественные проявления врождённого инстинкта самосохранения вызывают самое сильное порицание наших строгих судей нравов.

Кто научился мыслить естественнонаучно, никогда не назовёт этих естественных жизненных проявлений дурными поступками — пороками, потому что эти проявления — не пороки, а факты, они присущи всем детям, они необходимы, из них образуется всё, что потом будет сильным. И если бы их удалось действительно искоренить, то весь род людской прекратился бы. Без эгоизма не станет и жизни. Мы не можем себя обречь на смерть, чтобы сохранить других. Это неверное учение, что человек должен развивать свои силы и способности, только чтобы увеличить силы своего рода, своей группы, своего общества, он должен оставить в наследство своему потомству всё богатство своих сил и способностей. Только имущий может оказывать благодеяния, только сильный — уделит другому от своих сил. Самоотречением и отказом от своей собственной жизни мы не принесём никакой пользы другим. Мы не имеем права и наших детей воспитывать в духе самоотречения. В общем говоря, мы не имеем права не уважать природу и проповедовать культуру, которая хочет быть чем-то иным, нежели определённой формой жизни согласно природе.

Воспитание, возможно, было бы и действительно, если бы воспитатель, исходя из этого правильного понимания природы, особенно детской природы, нашёл те законы и правила, посредством которых можно было бы дать свободное развитие дремлющим в ребёнке силам, не нарушая в то же время прав природы его ближних. Из хорошо направленного и правильно развитого эгоизма может создаться воспитание, которое в наши дни называется социальным воспитанием, т.е. развитием у отдельных личностей высших социальных способностей.

Не только человек, но и многие животные рождаются со всеми задатками социального существа. Зависимость ребёнка от матери, многолетняя потребность его в материнских заботах заставляют его с первых почти дней жизни сознавать, что кроме его собственной воли есть ещё другая, которую он должен расположить в свою пользу, если желает сохранить то, что есть его главная цель, т.е. жизнь и жизнерадостность. Это социальное побуждение, выросшее из этого первого отношения к матери и затем развивающееся всё сильнее и сильнее при сношениях с братьями, сёстрами, товарищами, само уже, подчиняясь законам природы, заботится о том, чтобы различные эгоистические центры сомкнулись, так сказать, в общеволевые группы. Внешняя опасность принуждает их сложить всю сумму единичных сил и из единичной воли создать общую волю. Таким образом, возникли у животных и людей семейные связи, родство, местные общины и, наконец, народ и государство. Государство есть соединение отдельных людей, связанное законом целое. Государство никого не принуждает, или, вернее — не должно было бы принуждать — к отречению от собственной жизни и жизненной энергии; напротив того — государству выгодно иметь в своей среде много свободных личностей и много свободной жизненной энергии.

Действительное и правильное воспитание должно заботиться о том, чтобы внутри государства, т.е. среди этого общества людей с одинаковыми жизненными целями предоставлялось каждой отдельной личности возможно больше свободы развития. Человек не должен быть орудием другого или простым исполнителем чужой воли, он должен жить своей собственной жизнью, и воспитание должно дать ему нужную силу и возможность развивать эту жизнь сообразно с законами природы. Мне, как я уже это испытал, станут указывать на опасность, заключающуюся в так называемом индивидуализме. Назовём это просто «воспитанием и развитием личности». Это понятие звучит не так страшно, как первое, потому что каждый согласится, что высшее благо человека — быть личностью. Вина не наша, что всё ещё

такие люди мнят себя личностями, которые в действительности не что иное, как ходячие абстракции, исполнители чужих желаний, носители чужих идеалов — люди, которых вполне удовлетворяет служение давно умершей традиции и которые ставят себе в заслугу, что они заглушили свою собственную природу, чтобы лучше выполнить чужие желания. Это и есть тип современного благовоспитанного немца. Он живёт выродившимися, безжизненными, лишёнными творчества традициями старых культур. Эти традиции представляют какой-то компромисс таких форм жизни, которые исключают друг друга. Так не развиваются личности и личность не есть конгломерат чужих опытов, убеждений и учений.

Часто сравнивают искусство педагога с искусством садовника и это совершенно верное сравнение. Но, к сожалению, педагоги не научились у садовников самому-то главному — именно уважению к природе, а также тому, что всякая попытка привить что-либо природе ведёт только к вырождению и искалечению растения. Все насильственно культивируемые продукты, как, например, те, какими время от времени ботаники или садоводы удивляют жадную до всего сенсационного публику, не могут сравниться по жизненной силе и жизненной выносливости со своим первообразом, который без человеческих усилий самостоятельно и свободно развивается. Дуб, такой, каким его создала природа, может всё ещё смело продолжать существовать рядом с современными культурными декоративными растениями, точно так же простой человек, выросший без того, чтобы над ним проделали всякие педагогические эксперименты, противопоставленный продуктам высшей педагогической культуры, не теряет своей полной ценности. Наука о воспитании должна была бы быть для воспитателя тем же, что для садовника практическое руководство по ботанике или руководство по животноводству для сельского хозяина.

Но прежде всего надо согласиться относительно принципов воспитания, т.е. ответить на следующие вопросы: что даёт нам природа в ребёнке? Чего должно достигнуть воспитанием и ребёнка? Что может быть достигнуто воспитанием?

На все эти вопросы можно только ответить, принимая во внимание закон о наследственности. Правда, и известные современные педагоги всё ещё продолжают предостерегать, ссылаясь на эту теорию. Они опасаются, как бы этим увлечением не нанести ущерба серьёзности и ответственности педагогического труда. Но тот, кто научился наблюдать естественнонаучным образом, тот не может обойти вопроса о наследственности. Он видит в нём ту основную идею, тот фундамент, на котором должно быть построено всё воспитание. Какую пользу могут принести все идеально-прекрасные теории без реальной, положительной почвы, что пользы в высоких целях, если природа выскажет против них своё veto? Необходимо признать неопровержимую истину, что природа поставила границы воспитанию.

Нет никакой пользы или, вернее, это просто бесполезная тирания, когда мы преподносим целым народностям, не подготовленным ни по своему физическому, ни по психическому складу, абстрактные, созданные на бумаге, педагогические руководства, требования, которых эти народности, при всём их желании, не могут выполнить.

Да, наука о воспитании возможна, но нужно точно уяснить себе все необходимые предпосылки и границы, и не слишком многого ожидать от неё. Особенно же не следует ожидать от неё в каждом отдельном случае удовлетворительных ответов — жизнь слишком богата формами и возможностями, чтобы можно было в теории подготовить ответы на каждое единичное явление. Но что можно создать — это общие пригодные основы, нарушение которых уже сразу уничтожает значение воспитания. И то уж много, если удаётся сговориться об этих общих основах.

Остаётся таким образом ответить на следующие вопросы: кто должен воспитывать? Какими способами и средствами и для каких целей? Но на эти вопросы нельзя ответить, не подвергнув предварительной критике унаследованный метод воспитания, так как, если бы он удовлетворял всем законным требованиям, к чему было бы трактовать эти вопросы как нерешённую проблему.